
Автор представлен членом Художественного совета **Ингой Сташевска.**

Квадраты

«Пода-а-ай для прокорма, ба-а-атюшка...» -
затянет, бредёт по площади.
Кисейную юбку в катышках
наденет, гундит: «...хоро-о-ошая...»
Господь отпускал под ликами
сторицей столиц отвешивал,
и сизыми голубиками
года добавлял по грешное.

Мужик бы держался, нечему,
отпразднует и не знает:
когда не стоишь со свечками,
до гроба потом не каешься.
Возьмёт что и ладно - крошками
нет почести - нет признания,
и станется ей, тетёшная -
от края до края - крайняя.

Товарки по следу косятся,
кивают: «С ней только свяжешься,
промочит не только косточки,
в объедки запишет каждого,
вороньим крылом заведует,
летает, а глаз завистливый,
седьмое колено дедово
седмицей в анналы втиснуто...»

Саднит ветерок, за дудочкой
доносит: «...необыча-а-айного...»
И любят убогих, дурочкам-
юродивым всё прощается.

Что Чёрный Квадрат малевичен,
что Белый - такой же, крутятся.
Пика́ссо.
На шаре – девочка.
Захочет... И это сбудется.

Василёк

С эстонцами жить можно,
они работающие.
Вот у вас настоящее солнце, а у них
не настоящее - редко выходящее и мало греющее,
и ласточки на бреющем
чирикают о чём-то своём, хлопчут –
тоже тепла хотят, солнышка чуть-чуть.

Палку в каменистую землю воткнёшь, не растёт,
дождь, град её сечёт,
муравей бежит и грызёт, червь
сочную мякоть ствола точит,
парша съедает -
трудная доля на плечи эстонцев выпадает.

Грызуны плодятся – падаль по земле бежит,
серые, юркие то здесь, то там, а то и тут -
зубы острые, лапки цепкие, глазки
вооострые,
их утопишь, а они спасут-
ся на острове
Саарема или Айгвиду,
или том,
который ты имеешь ввиду.

А эстонцы песни поют,
хороводы водят,
как раз тогда и там, где солнце заходит.

Подумает эстонец немного, наехав на камень,
и скажет:
- Василёк, словно небо, хорош.
Да и Бог со всеми ними и нами.

Догма

Оглядись, теплокровный, - другие тож,
на полушку посеешь, пожнёшь на грош,
травы выше и гуще - богат покос,
где девицы ступали по глади рос,
стерегущих красавиц иная стать -
кинут гребень, не трогай, считай до ста,
отдохнёшь от заботы в краю стогов,
солнце высушит омуты берегов.

По русалочьим пяткам - вода, вода,
вдоль дорог не побегать и взять - не дать,
коромыслами вёдер не донести,
на покатых плечах - реки нежности,
ты её не согреешь, хвостом вильнёт -
по чешуйчатой коже кусками лёд,
уплывёт за другими, пойдёшь ко дну...
Только Кристиан любит её - одну.

Продольные

на Первой, где встречаются начала
и вёсны начинаются вчера,
где сойка ранним утром прозвучала
и хороши с Россини вечера,
где мне знаком не камень, так шпалера,
увившая штакетник под окном,
плывут баржи по Волге, как галеры,
и Павлов дом.

Второй – немного меньшей из продольных,
готовой пальму первенств отрицать,
достались: степь - бескрайнее раздолье
под ковылей расхристанную стать,
к аэропорту ближняя дорога,
моя, как праздник, первая любовь,
четырёхлистник отчего порога,
чужая боль.

Мамаева гора соединяет
и Первую равняет со Второй,
цветы акаций и сирень роняя
на майские, скорбя с Курган-горой.

... они собою повторяют реку –
изгибы и течений берега.

От потоплений держит человека
меня оберегающая гать.

У него

У него на обед черепаховый суп
временами бывает. Хозяин, не глуп,
адюльтер понимает превратно.
По утрам: сигарета, бассейн и массаж,
чашка кофе с «Москвой» - привозной антураж
ностальгии «вполне адекватных».

На Экваторе сроду не будет зимы.
Дождь. Три месяца льёт, перекрестки умыв,
только джип здесь осилит дорогу,
превращая грунтовые в вязкую слизь.
Кабальеро не терпитя прошлое слить,
как всегда, и забыться немного.
У неё на ногах шлёпки цвета «фокстрот»,
лет четырнадцать отроду, спрямленный рот
(на работе - что хочешь, источит),
из одежды - истлевший давно палантин –
смесь футболки и платья, и вырез один,
доходящий до верхней из точек.

Черепашьими кольцами Напо текла,
отражалась в панели. На фоне стекла -
мятый доллар, засунут за дворник.
Этот «мэн» никогда не умрёт от щедрот
и уверен, что «он никогда не умрёт»,
и прославится точно - во вторник.
Он немного известен и пишет стихи -
возбудимость ума повышает стрихнин
и тактильную чувственность гложет.
Правда, сердце шалит с каждым разом сильнее,
а на пике приходит всё больше теней
отмечать восхитительность ложа.

Позвонки побережья, о море кричат,
кружат ночи по смуглым девчачьим плечам,
донимают - рептилии в лицах.
На Проспекте вулканов на толику дней
в чёрно-серых тонах все тенеты длинней
и колибри в орла превратится.

Кордильеры...
Под утро молочный туман
забирается в спальни допить знойный май,
по фаянсу стекая рисунком
в чёрный кофе, корицей в котором зима.
Черепашовым рай освещает луна,
звёздный шлейф за туманы засунув.

Зима в волосах нашептала в тебя расстояния
и реки свела к водопадам замёрзших имён.

Щедро было небо ко мне и в своих подаяниях
меня отмечало биением сердца вдвоём,
заботилось - внешне прощало любые ошибки,
и знало наверное, время придёт налегке,

я вдруг поменяю свой смех на сличение зыбкого -
тебя с этим миром, следами на мокром песке.